

Театральное. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Театральное. Максим Горький

...Лет пятнадцати я чувствовал себя на земле очень не крепко, не стойко, всё подо мною как будто покачивалось, проваливалось, и особенно смущало меня незаметно родившееся в груди чувство нерасположения к людям.

Мне хотелось быть героем, а жизнь всеми голосами своими внушала:

"Будь жуликом, это не менее интересно и более выгодно".

Но жульничать мешала органическая безгливость, неизвестно как и откуда запавшая в сердце.

Искал я и жаждал какой-то особенной правды, твёрдой и прямой, как шпага; хотелось вооружиться ею и уверенно идти сквозь хаос скользких жабьих слов, - сквозь противоречия поступков, мыслей и чувств.

- Правда? - восклицал тихо и насмешливо мой друг и учитель плотник Осип. - Правда - есть! От, ежели тебя взять за волосы да часок повозить по земле, ты и учуешь её, правду...

Я понимал, что он шутит от "нечего сказать"; я знал, что этот хитрый старичок, способный обо всём наговорить тысячу слов, одинаково ловких и умных, сам не ведает, где правда, не ведает и, кажется, давно уже отчаялся найти её.

Жилось трудно.

В это время трактирный певец Клецов, человек невзрачный и неприятный, внушил мне Беспокойную мечту. Он, несомненно, обладал таинственной и редкой силой заставлять людей слушать себя, его песни были милым голосом другой жизни, более приглядной, чистой, человеческой. Тогда я вспомнил, что ведь и мне, в иконописной мастерской, на ярмарке среди рабочих, удавалось иногда вносить в жизнь людей нечто приятное им, удовлетворявшее меня.

Может быть, мне действительно надо идти в цирк, театр, - там я найду прочное место для себя?

Я решил попробовать, и - вот я статист в огромном театре, на ярмарке, получаю двадцать копеек за вечер и учусь быть индейцем и чёртом в пьесе "Христофор Колумб".

Красное кирпичное здание театра снаружи неприятно похоже на амбар, внутри оно вызывало чувства тёмные, гнетущие.

Помню, как по просторной, полуосвещённой сцене, против чёрной дыры, наполненной сырým мраком, толстенький человечек, бешено ругаясь, гонял нас, кучу мальчишек, из угла в угол, точно пастух баранов, и визжал:

- Крокодилы дохлые, - убьёте вы меня!

Мне казалось, что он притворяется, - нет у него причин сердиться на нас и бить нас по ногам длинной, тонкой палкой, мы бы лучше поняли, чего он хочет, если бы он говорил просто и спокойно. Но он суетился, хватал себя за круглую, как арбуз, голову и ныл, орал:

- Какие же вы индейцы? Вы - свиньи, а не индейцы! И какие вы черти? Медведи вы, а не черти!

Из-за кулисы высунулась толстая дама и спросила его басом:

- А ты как знаешь, на кого похожи черти?

- На козлят, душечка моя, и на козлов, и не суйся не в своё дело!

Я читал об открытии Америки, и черти казались мне лишними в этом событии, -

Театральное. Максим Горький gorkiytext.ru
книжка Прескотта не упоминала о них. Я читал Майн-Рида, Эмара и, думая, что имею представление о краснокожих, старался ходить по сцене так, как ходят американские индейцы в книгах этих знаменитых писателей. Но мои попытки раздражали учителя, он укоризненно кричал:

- Послушай, ты, длинный, окаянный сухарь, смычок, жердь вавилонская, что у тебя - пятки подрезаны, а? Ты по битому стеклу ходишь? Убьёшь ты меня, бессовестная фигура!..

На спектакле я всё-таки ходил так, как, по моему мнению, должен был ходить настоящий, порядочный индеец, и усердно тыкал деревянным острием копья в животы неуклюжих испанцев. Это очень веселило людей за кулисами, но помощник режиссера всё-таки был недоволен мною.

- Послушай, диван с пружинами, - сказал он мне в антракте, - если ты будешь качаться во все стороны, я тебя швырну в омут!

А тут ещё подошёл пышно одетый испанец, человек, близкий самому Колумбу, и пожаловался на меня:

- Я этого верблюда проткнул насквозь шпагой, а он - хоть бы что, даже не пошатнулся! Чудесно вы обучили их, милый мой...

Среди испанцев, чертей и краснокожих спокойно расхаживают обыкновенные русские люди, обыкновенные женщины; одна из них, маленькая и вся в чёрном, точно монахиня, сказала испанцу:

- Егор, ты помнишь Тулу?

Я чувствовал себя нелепо, где-то между сном и явью. Расширяясь во все стороны, передо мною плывал огромный чёрный мешок, тесно набитый головами людей, точно дынями. Эти бесчисленные головы казались мне слепыми, лишь кое-где, на круглых пятнах лиц тускло светились ненужные глаза. Из мешка на сцену вливался запах тёплой сырости; иногда, среди жуткого молчания, был слышен кашель, шарканье, какой-то скрип.

Зал театра будил у меня странное сравнение с огромнейшей глубокой могилой, куда правильными рядами положили множество людей.

Жуткое чувство ещё более усиливалось во время репетиции, когда чёрная пустота зала таранилась на полутёмную сцену пустым, бездонным зевом. Смотрит пустота, молчит, - и так странно, что пред нею люди шутят, смеются, кричат. Голоса кажутся неестественно громкими, все люди говорят нарочито не те слова, двигаются необычно и машут руками, точно испуганные слепые в поисках за что бы схватиться.

Этот кошмар ещё более углублялся бредовыми речами артистов; ходит по сцене длинный человек с лицом красивого мертвеца, с погасшей трубкой в зубах и, разводя руками, точно плавая в полумраке, бормочет:

- Маркиза, вы поставили меня на край пропасти - чего? Ага - стихи! Я знаю - мне спасенья нет...

Красивая чернобровая женщина, сидя на стуле у кулисы, сердито кричит:

- Послушай, я здесь бросаюсь к твоим ногам, а ты уходишь от меня! Где же кин?

- Он кинулся в уборную зачем-то.

А около суфлёрской будки стоит маленький человечек без глаз и бровей, с круглым ртом окуня, стоит и тихонько, грустно, приятным голосом напевает:

Я - страдала,

Страданула,

С моста в речку

Сиганула.

Чернобровая женщина сердито кричит ему:

- Перестаньте выть! Дальше, дальше, господа!

Из-за кулис высовываются чьи-то головы, выходят люди, исчезают, за кулисами стучат молотки, вбивая гвозди в сухое дерево, и что-то противно скрипит.

Стоит среди сцены человек в пальто, в цилиндре, морщится, оттопыривая толстые губы, и кричит суфлёру очень красивым голосом:

- Чьто? Не слышу. Подавай громче! Чьто? Не рассуждать! Откуда тут дует, дьявол?

- Отовсюду дует, - справедливо говорит ему высокая красивая дама.

- Дудует, - презрительно говорит актёр.

Другой человек, пьяный, испитой и отрёпанный, сидит в сторонке на стуле, дремлет и, время от времени пугливо вздрагивая, спрашивает:

- Я? Как? О, господи помилуй... О-о-фу...

Всё это было мало понятно, порою нудно, но хотя всё выдумывалось и создавалось при мне, на моих глазах, однако иногда эта нарочитая, фальшивая жизнь охватывала меня до того сильно, что и я тоже начинал ходить по земле выпячивая грудь, нелепыми шагами петуха, говорил басом, отчеканивая слова, и всё потирал лоб, как это делал один из артистов.

Влюблённые виконты и маркизы, несчастный актёр Яковлев, героический Несчастливцев, дон Сезар де Базан, Карл Моор, разбойники, бояре, купцы и Квазимодо - все эти плохо сшитые кошель, полные звенящей медью романтизма, кружили мне голову, вызвали чувства, уже знакомые по книгам. Разумеется, я уже видел себя играющим роль гениального Кина, и мне казалось, что я нашёл свое место. Недели три я жил в тумане великих восторгов и волнений.

Если хочешь спокойно наслаждаться - не заглядывай за кулисы!

Но моя роль неизбежно заставляла меня торчать за кулисами, и я слышал, как герой, только что валявшийся у ног возлюбленной своей в судорогах пламенной страсти, кричал на неё за кулисами:

- Какого дьявола у тебя булавки натыканы где не надо!

А благороднейший отец, только что оплакав на сцене свою несчастную дочь, шипел на неё, грозя пальцем:

- Ты опять роль не знаешь, дурында?

Улыбаясь, она говорит:

- Ой, ты так хорошо играл, что я всё забыла...

- Не твоё дело, как я играл!

Дурында - маленькая, стройная женщина, синеглазая, молчаливая. Она смотрит на всё прищурясь и недоверчиво, как будто люди и вещи непонятны, чужды ей. И ходит она осторожно, точно кошка. Как-то раз я застал её в тёмном углу за сценой; прижавшись к стене, закрыв лицо руками, она тихонько плакала. Дня за два до этих слёз она так трогательно изобразила Эсмеральду, что я навеки влюбился в неё и теперь, видя её слёзы, сам готов был гневно плакать или, если она прикажет, избить обидевших её.

Но я не смею подойти к ней, смотрю издали и думаю: хорошо, если бы театр загорелся! Когда все побегут вон из него, - я схватил бы её на руки и вынес сквозь огонь. Только бы вынести, а потом поклониться ей молча и так же великолепно, как это делал актёр Киселевский, поклониться и уйти куда-нибудь, унося в сердце великую радость на всю жизнь.

Театральное. Максим Горький gorkiymaxim.ru

В успеньев день играли дважды – утром какую-то феерию, вечером шла "Каширская старина". Усталые артисты были пьяны, играли весело – точно для самих себя, забыв о публике, а публика, невидимая в чёрном мешке, рычала и хохотала тоже как бы вне зависимости от сцены.

В антракте пьяненький Андреев-Бурлак, тощий и жалобно смешной в костюме дьяка, потешал плотников шутками и анекдотами и всех без разбора звал после спектакля на Пески, в трактир, есть пельмени. Дама моего сердца, наряженная в яркий сарафан и тоже пьяненькая, сидела на связке каких-то верёвок, смеясь, напевая.

Я не заметил, кто дёрнул верёвки, видел только, как она, испуганно взмахнув руками, опрокинулась на спину, видел высоко вскинутые ноги и огромные от испуга глаза. В следующий момент она, ловко повернувшись на бок, вскочила и гневно выругалась грязными словами улиц и площадей.

Дикий хохот гремел вокруг неё, люди выли зверьём от удовольствия, – она оглянулась и, подскочив к маленькому актёру в костюме каширского парня, ударила его по щеке. Её схватили, смяли, унесли в уборную.

А у меня угрюмо заняло сердце, всё вокруг стало противно мне, я решил уйти из театра и тотчас ушёл.

Зрителем в театре я за это время был только однажды, и первый же спектакль заставил меня почувствовать страшную силу театральной жизни.

С минуты, когда на сцене явился Андреев-Бурлак в образе Иудушки Головлёва, я совершенно забыл о театре и обо всём, кроме маленького старичка в халате, со свечой в дрожащей руке, с ядовитой улыбочкой на слюнявом лице.

– Аннинька, Аннинька, – сладострастно всхлипывал он пред измученной, умирающей женщиной.

Всё, что делал этот человек, было страшно просто, неопровержимо правдиво и убедительно. Его липкие слова, паучьи движения, его порабошающий, терпкий голосок и эти гнилые улыбочки, весь он был до ужаса противен и казался непобедимым, точно Кощей Бессмертный.

Я пережил нечто неопишное, хотелось бежать на сцену и убить это воплощение мерзости, я чуть не плакал от бешенства, а кругом люди смеялись, оралы, возбуждая у меня страх и тяжкое недоумение. Разве можно смеяться, видя гнусного человека?

Это был очень тяжёлый и дурной кошмар, тем более тяжёлый, что я чувствовал в нём много знакомого мне, чем так богата тёмная, запутанная, болезненно жестокая душа русской жизни. Много лет спустя я снова пережил такое же угнетающее впечатление, читая книгу о Фёдоре Карамазове.

После спектакля, отравленный, я всю ночь шлялся в лугах, за ярмаркой, меня остановил какой-то пьяный и больно ударил кулаком по голове, – помню, это не обидело меня.

1914 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!